

ПУШКИН – МИСТИК И ЭЗОТЕРИК

I

Звание первого национального поэта Пушкин удерживает недаром. Ни в чьём поэтическом пространстве так не комфортно человеческой душе, не дышится так легко и вольготно, как в Пушкинском. Главное в том, что мир обитания здесь предстаёт целокупно-огромным и абсолютно реальным. Духовный реалист¹ – вот подлинное стилистическое наименование для Пушкина-поэта, мыслителя и “мудреца”, как называли его современники. А начал Пушкин с чёткого и внимательного освоения посюстороннего мира, хотя с самых первых шагов в его поэтической повадке и интонации чувствовалось присутствие мира иного, *горнего*, высшего. Вот почему очная встреча с трансцендентным в «Пророке» описана с потрясающей достоверностью.

Появление Пушкина не было случайностью. Оно подготавливалось всем XVIII веком. Русские эзотерики, объединившиеся в сеть тайных обществ, активно и самозабвенно просвещали отечество, продолжая апостолатом первого русского *каменщика* Петра I² начатое им дело. Предчувствуя великие перемены, Н. М. Карамзин, сам воспитанник русского эзотерического братства, предсказывал появление в новом столетии необычайного поэтического голоса, соответствующего мощности “певческого горла” России. Русский духовный гнозис в конце XVIII – начале XIX вв. встаёт вровень с европейским; русские эзотерики зачитываются духовными откровениями Гёте, Бёме, Сен-Мартена, Юнг-Штиллинга, Экартсгаузена.

---

¹ Или – говоря словами Достоевского – *реалист в высшем смысле*.

² Удивительная, супермистическая развёртка имени Пётр – камень, а ведь он был первым Петром на троне.

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

Тут как раз маленькому шустрому арапчонку приходит время учиться. И волей провидения в Петербурге (словно) специально для него основывается Лицей. В дальнейшей судьбе поэта ведущую роль сыграл Василий Львович Пушкин, известный поэт, щеголь и добряк. «Мой дядя самых честных правил», – это о нём. *Масонский* роман «Евгений Онегин» начинается со всем известной фразы. Но что это собственно за «правила»? Речь идёт о законах розенкрейцерства, к общине которых принадлежал и Василий Львович. Председательствовал ложей С. С. Ланской, чей рукописный сборник речей провиденциально попал в мои руки, как только интерес к Пушкину оформился в целенаправленную исследовательскую силовую линию.

Итак, отрок Александр рос потомственным розенкрейцером. И если шаловливый юноша намекает якобы двусмысленно: «Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал», то надо признать, что жрец Храма Изиды Апулей и впрямь является более захватывающим гностическим чтением, чем сухопарый ритор Цицерон. Но ко времени создания «Памятника» мысль повзрослевшего Пушкина нагнала и железную поступь Цицерона, автора философских «Диалогов» и «Сна Сципиона». Ни одно из сокровищ мировой духовной культуры не прошло мимо пытливого взора подростка, ни один из её регионов не был им проигнорирован.

Последние дни пребывания в Лицее. В Царское Село приезжает своего рода выпускная комиссия³ и начинаются большие масонские “смотрины”. Выпускником остаются довольны, но для адаптации непоседы к орденскому житию решают создать род “подготовительного класса”, где в шутливо-игровой форме ему была преподана обрядная символика. Заводилами вызываются быть Жуковский и дядюшка. По розенкрейцерскому обычаю все *братья* получают новые имена в соответствии с традицией священного переименования. Имена эти берутся из баллады Жуковского «Светлана». Сам Василий Андреевич получает прозвище *Светлана*, дядюшка – *Вот*, а юное дарование – *Сверчок*. Так что Пушкин становится орденским человеком, ещё будучи в стенах Лицея.

---

³ В эту орденскую *пентаграмму* входили Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. Л. Пушкин и П. А. Вяземский.

Вознесённый на плечах титанов мировой духовной культуры, хватаясь за участливые руки старших братьев, воистину «растёт царевич там не по дням, а по часам». Восемнадцатилетний поэт создаёт одно из самых величественных русских эпических произведений – рапсодическую песнь «Руслан и Людмила». Она является вершиной пятидесятилетней работы русских поэтов-эзотериков над реконструкцией русского былевого фольклора. Пушкин, суммируя то, над чем они трудились коллективно, создал корпус произведений, подобный «Махабхарате». Перевод Жуковским фрагмента великого индийского эпоса «Наль и Дамаянти» задал тональность этой деятельности на первую половину XIX века. Пушкин по-хозяйски включился в эту игру. *Сверчок* был общим любимцем в «Арзамасе»; не удивительно, что молодой *азд* первыми же строками поэмы выстроил основополагающую мифологему духовной структуры русского этноса.

Лукоморье – сакральное место при впадении в *Русское море* священной реки. Реально – акватория Чёрного и Каспийского морей и пойма Днепра.

Дуб зелёный – Мировое древо, связующее мир горний (Правь), мир дольний (Явь) и корнями уходящее в мир хтонический, подземный (Навь).

Златая цепь – концептуальное название для сочинений, состоящих из цепи “златых слов”, собрания высшей мудрости метаэтнической общности: древних цивилизаций и их нынешних наследников-восприимчивых.

Кот учёный – крупные кошачьи были тотемами первоцивилизаций. Эта связь с древним знанием выражена эпитетом. Никаких суеверий – порождений невежества; учёность испокон была врагом обскурантизма. Поэтому речь идёт не о культе, а о мировоззрении. Вспомним Шопенгауэра: «Религии как светлячки могут светить только в абсолютной темноте». Юный рапсод подхватывает:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем великим ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

Лукоморье Пушкина всё залито светом; учёность кота стоит на страже трезвости и здравомыслия... Что же мы видим окрест Мирового древа?

Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей,
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон без дверей...

Полный набор сказочных персонажей; и весь этот мир – не байки-баюки домашнего мурлыки, а достоверный пейзаж мифологического пространства-времени. Идеи-образы взаимно связаны, взаимно порождают друг друга. Чудо является типовым элементом этого пространства; впрочем “чудо” оно только на взгляд из этого мира.

Тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их морской...

Витязей при ближайшем рассмотрении оказывается на три больше (пересчёт произведён мастером в «Сказке о царе Салтане») – соответственно градусам масонского посвящения; а вот в дядьке Черноморе проступают черты *Vota* («чредой из вод») – Василия Львовича. И самое значительное: черноморская прародина славянства связана с изначальным атлантическим монотеизмом, а зороастрийско-манихейский дуализм выражен в борьбе титанов-магов: Головы, карлы, Наины, финна. На земном плане это представлено соревнованием-соперничеством Руслана и Фарлафа; причём если Руслан – Еруслан Лазаревич – рыцарь достаточно русский, то в облике Фарлафа легко узнаётся Шекспировский Фальстаф. Так творчество Пушкина намертво связывает себя с наследием английских розенкрейцеров, писавших под коллективным псевдонимом Шекспир.

Итак, утверждение изначального отсутствия дуализма в славянской религиозной системе, подтвердившееся позднее исследо-

ваниями учёных, приводит Пушкина к ироническому обыгрыванию профанной оппозиции Белбог – Чернобог. Белбог в поэме размыт и неуловим (в опере Глинки его роль играет Баян), зато в ироническом уничтожении Чернобога-Черномора Пушкин отвёл душу. Он и ничтожен ростом, и кривоног, и похотлив, и обладает отличительной особенностью русских церковных иерархов пушкинских времён – огромной холёной бородой.

В конце концов, лишившийся могущества и прощённый карла становится карликом-шутком при дворе светлейшего князя. – Незавидная участь!

Главная мысль Пушкина: миром управляют тайные неведомые *финны* – мудрецы, святые, арбитры, а мордовороты-рыцари (русланы в том числе) кротко прибегают к их всемогущему покровительству. Русь-Русланд не составила исключения.

Приверженность холуйскому обоготворению “царя-батюшки” является поздним извращением и дегенерацией: Древняя Русь была республиканской. Не только Новгородское народоправство, но и Киевское объединённое рыцарство под началом князя являют благое пушкинское *равёнство*: за столом пирующего Владимира Ратмир, Руслан, Фарлаф и Рогдай чувствуют себя независимо и ведут соответственно этому. Русское, варяжское, хазарское, половецкое богатырство никогда не лизало униженно самодержавную десть. С началом “фарс-мажора” царя-батюшки рыцарство кончается.

Поэтому восстановление звания рыцаря невольно ставит масонов в оппозицию знаменитой триаде: православие – самодержавие – народность, тем более что последнее является лишь декорацией для первых двух. Единственный шанс для властей – войти на равных в великое братство. И император Павел I и все его сыновья были людьми орденскими и благоволили ложам и капитулам, пока передовое стояние России не стало слишком резко означенным. Переход от фривольной вседозволенности к подлинной потаённости сделался лишь переносом акцента с курьёзности на серьёзность. Непоседу Пушкина оторвали от столичных борделей и отправили поправлять здоровье на Юг; «Арзамас» без него захирел и распался. Лукоморье ласково приняло его в свои объятия, а «свободная стихия» поддержала в смятении чувств. Здесь и произошло тонкоматериальное свидание с Овидием, ставшим его духовным поводырём.

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

Некогда великий римский поэт был выслан в причерноморскую глухомань волей августейшего остракизма; то же произошло через “надцать” столетий и с Пушкиным. “Место встречи” их и породило мистически. Овидий был мастером метаморфоз-превращений; Пушкин проходит у него эту магическую школу. Кишинёвские масоны принимают эстафету от петербургских: неофит со стажем (Пушкин был принят в ложу «Трёх Добродетелей» ещё в Петербурге) уже выступает как знающий толк в орденских таинствах молодой *брат*, а старшие (генералы Пуцин и Инзов, В. Ф. Раевский и другие) подыгрывают ему. В Кишинёве создаётся ложа, где Пушкин занимает второе место после Павла Пуцина (зачным главой стал молдавский господарь Суццо). Судя по всему, название «Овидий» выбрано по предложению Пушкина – это единственный случай названия ложи именем поэта. Собственно, ложа де-факто так и не была открыта (хотя Пушкин в частном письме обозначил дату приёма в неё – 4 мая 1821 года).

Пока шла переписка с петербургской материнской ложей, последовали два происшествия (где Пушкин – там события), послужившие поводом для закрытия кишинёвского филиала. Сначала гоголевски-анекдотический. Во время принятия в ложу местного иерея, слуги разнесли слух, мол “батюшку” водят с завязанными глазами и только что проконвоировали в подвал, а это, конечно, значит, что его изловили и собираются принести в жертву сатане. Мгновенно собралась толпа выручать “святого отца”, дело дошло до полиции – батюшку к его вящему неудовольствию “спасли”, но произошёл скандал, смута, – и начальство сочло за благо прикрыть начинание. Второе происшествие было серьёзнее и трагичнее. По доносу с обвинением “в неблагонадёжности” был арестован В. Ф. Раевский – член ложи, поэт, вольнодумец. Поэтическое вдохновение, упав на очаг вольнодумства, произвело тот всполох, о котором и было донесено начальству. Раевский, “первый декабрист”, был заключён в застенок. Слава Богу, *братья* успели предупредить, и самые компрометирующие бумаги были им сожжены. Но срок был получен, правда, переписка с *братьями* продолжалась и из заточенья.

Инзов (Инзушко) относился к Пушкину по-отечески: баловал, жалел, оберегал от мести обманутых мужей. Роль Пуцина в собы-

тиях зафиксировал сам Пушкин в своём известном посвящении, написанном в июне 1821 года:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмёшь во длань
И воззовёшь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинёв, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

На Юге происходит оставившая глубочайший след в судьбе и мировоззрении Пушкина встреча с представителем замечательного семейства Тучковых – Сергеем Алексеевичем, генерал-майором, казначеем кишинёвской ложи. Произошло это во время остановки на день в Измаиле 20 декабря 1821 года. Липранди, который сопровождал Пушкина в этой поездке, вспоминает:

«Почтенный старец этот (в 1821 году Сергею Тучкову было 53 года – *ОК*), тогда ещё в сильной опале, неотменно пожелал видеть Пушкина и просил сказать Славичу, что и он будет к нему на щи. Вот уже собрались, но Пушкин и его два спутника пришли к самому обеду. Пушкин был очарован умом и любезностью Сергея Алексеевича Тучкова, который обещал что-то ему показать, и отправился с ним после обеда к нему. Пушкин возвратился только через 10 часов, но видно было, что он был как-то не в духе. После ужина, когда мы вошли к себе, я его спросил о причине пасмурности; но он отвечал неудовлетворительно, заметив, что если бы можно, то он остался бы здесь на месяц, чтобы посмотреть всё то, что ему показывал генерал. “У него все классики и выписки из них”, – сказал мне Пушкин».

Пушкин чрезвычайно дорожит не только гностической высотой, но и знаками принадлежности к ордену. В 1827 году возвращённый из михайловского сиденья, которое избавило его от эша-

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

фотно-ссылной участи декабристов, Пушкин был коронован как первый поэт России и *обогрет* царём². Тропинин, явившийся писать заказанный ему портрет Пушкина, цепким взором художника мгновенно обратил внимание на его длинный, холёный ноготь мизинца и по этому знаку, общему для всех братьев, определил ма-сонство портретируемого. Выбор перстней, амулетов, талисманов имел в жизни поэта тот же мистическо-знаковый характер.

Море и тень Овидия подпитали духовно и душевно Пушкина, укрепили его дух перед лицом следовавших по пятам репрессий (суды над Раевским и через несколько лет – декабристами). Прощаясь с обоими, Пушкин обнаруживает какую-то финикийскую приверженность духу океана:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум
призывный

Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый, –
И стая тонет кораблей.

<...>

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Вспоминая описание метели («Метель», «Бесы»), гор (Кавказские стихи, «Арзрум»), ветра и моря («Шуми, шуми, послушное ветрило» и др.) невольно приходит на ум, что Пушкин общался с духами стихий – стихиялями, как их позднее назовёт Даниил Анд-

---

² По этому поводу Пушкин предлагал именовать себя Николаевым или хотя бы Николаевичем.

реев. Полётность – без всякой нервической взвинченности – является одним из его характернейших качеств. Наиболее адекватно он выразил это в двух вариантах своего рода гимна воде, каждый из которых совершенен, а двукратность повторения темы говорит о её первостепенной важности.

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несёт,
Когда корабль в недвижимой влаге
Его дыханья жадно ждёт?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арана своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона³.

К упомянутым природным стихиям здесь добавляются стихии человеческих чувств и стихия поэтического вдохновения. От неупорядоченного произвола дело спасает система посвящений, через которую проводят человека Высшие силы в течение жизни. Хорошо, когда она осмыслена посвящаемым, и он проходит её с максимальной готовностью. Тогда...

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

---

³ Это текст первой импровизации из «Египетских ночей»; второй вариант – XIII глава «Езерского».

Моих ушей коснулся он.
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход.
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Духовной жаждою томим... Как Пушкин мучился с этой первой – важнейшей – строкой! «*Великой скорбию*», – было сначала. Выспренно, литературно, архаично.⁴ Возможно, за этим стояла реальная скорбь о том, что он подразумевал позже, говоря: «С каким глубоким отвращеньем я озираю жизнь мою». Но – нет, отрицательные эмоции, страх могут гнать только в лоно культа. И как сказал великий мистик Ангел Силезиус: «Праведники почивают спокойно, а грешник своими молитвами всю ночь мешает им спать». Речь идёт о другом – духовном пилигримстве в поисках истины – о том, что ставит человека на *путь, дао*, – а здесь уже светит изнутри немолчное *да* добру, свету. И нет человеку покоя в

---

⁴ Хотя это точное начало «*Pilgrim's Progress*» Баньена, что и зафиксировано Пушкиным в его переводе-переложении «Странник».

мирском, пока он не сольётся с истиной. Значит – вот оно! – духовная жажда – личное, робкое, сокровенное человека. Именно с этим чувством вошёл поэт когда-то в посвятительный зал ложи «Три Добродетели»... и эти добродетели не оставили его. *Вера* привела к *знанию*, *Надежда* обернулась *уверенностью*, *Любовь* не дала миновать *истины*. Люди, удивляющиеся силе слов «Пророка» и списывающие всё на пушкинскую гениальность, не понимают, что велеречивость, напыщенность и пафосность, над которыми потом всласть поиздевался Островский в своих комедиях, обойдена Пушкиным не за счёт версификаторской ловкости, а за счёт *подлинности* переживаний.

В 1821 году в письме к П. Я. Чаадаеву Пушкин обронил – можно сказать даже “обайронил” – фразу о своей *остылой душе*. И вот пятью годами позже он вновь ощутил в груди полученный при посвящении *уголь пылающий*. Потому что шутейное, лёгкое, игри-вое дело вдруг оказалось серьёзным донельзя: *братья*, решившие мечты о светлом будущем претворить в жизнь, очутились кто в тюрьме, кто на каторге, кто на эшафоте. Особенно трагична и героична участь талантливейшего Рылеева, которого, как поэта, очень любил и ценил Пушкин. Рылеев вослед Новикову и Радищеву явил подлинно, что значит «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»⁵.

И Пушкин понял, что эзотерика – это серьёзное дело.

II

Масонское братство, которое ласковой отеческой рукой переправило Пушкина из суетной и развратной петербургской жизни для поправки пошатнувшегося от «дурной болезни» здоровья на юга, думало о *созревании в покое*, но в Кишинёве всё завертелось вокруг молодого вольнодумца и стало вулканизировать, как никто не предполагал. После истории с В. Раевским тот же синклит переводит Пушкина остудиться в Псковские прохладные места, в нежные моховые меха Михайловского. Наиболее влиятельные и близкие Пушкину масоны из старших прибегают к педагогике стро-го-

---

⁵ Даже Николай I сокрушался, подписывая приговор: «Каких я и Россия теряем людей превосходных...»

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

сти – Пушкин обижается, ерепенься. Так были испорчены отношения с Карамзиным, последовавшая вскоре смерть историка прервала их вовсе. В тиши михайловского сидения у Пушкина было время переварить впечатления бурного калейдоскопа южных событий. «Онегин» – своеобразный творческий дневник – впитал в себя размышления этих лет: радостные – и не очень. «Граф Нулин» “обнулil” всю эту убаюкивающую тряску по ухабам бытия, а события 14 декабря 1825 года переломили жизнь пополам – недаром номер Кишинёвской ложи был 25-м!

С середины 30-х годов тучи над головой Пушкина стали сгущаться. Одиночество и никчёмность – два чувства, которые редко охватывали поэта, пока семейственная “выводковая” жизнь не вырвала его из *братской* среды. Тогда возникла настойчивая идея побега: «... давно, усталый раб, замыслил я побег...» Здесь руку ему подаёт другой великий духовный мастер – английский проповедник и писатель XVI века Джон Баньен. Русские рыцари гнозиса любовно перевели главные сочинения этого воплощения шекспировского типажа из обоймы «Fools of Nature», соответствующего русскому понятию *Иван-дурак*. В 1818 году А. Лабзин опубликовал биографию Баньена в послевоенной серии «Сионского вестника». Эта публикация как раз подоспела к Пушкинской зрелости, и он взял на вооружение духовный опыт английского учителя⁶. *Обитель тихая трудов и мирных нег* оказалась в идеале Небесной Страной, куда держит путь Баньеновский странник; здесь, на земле идеал мгновенно прокисает “маниловской простоквашей”. Впрочем, до конца это прояснил только М. Булгаков через сто лет. Пушкин снова заклинает, но теперь заклинает о спасении. Он *прописывает-проговаривает* начало «Pilgrim’s Progress», стараясь испросить этой формулой освобождение:

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,

---

⁶ Память эту Пушкин сохранил даже в покаянном «Напрасно я бегу к сионским высотам», написанном через год после переложения Баньеновского «Странника».

Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришёл обратно.
Уныние моё всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идёт! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречён;
Он в угли и золу вдруг будет обращён,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

<...>

IV

Пошёл я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу...

Вотще. Нагрузив на себя чад домочадцев, он не смог даже привстать вслед за волевым усилием. Надо было бросить всё и уйти, как Александр I. Толстой тоже кряхтел-кряхтел и докряхтелся

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

до восьмидесяти. Пушкину сбежать помог «Граф Монте-Кристо II», Дантес. Гоголь, не имея сил выносить приближения трагической развязки любимого наставника, в июле 1836 года скрылся за границу в Италию. А Пушкин, уже не дергаясь по поводу предсказания о «белой голове» (а ведь он несколько раз сбегал, видя некие знаки этой *головы*, опасно и суеверно) – как бы *очертя голову (чёрт с ней, с головой!)* – с решительностью смертника стремится навстречу неизбежности. В своём «Памятнике» он подводит итог:

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

При внимательном чтении уже первая строка вызывает недоумение: что значит «*нерукотворный*»? Есть понятие нерукотвор-

ных икон; тип «Спас Нерукотворный» является нерукотворным в самом сюжете. Это не то же самое, что *тонкоматериальный*; речь идёт об осязаемом, зримом: «Вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа». Александрийский столп – маяк города Александрии, – и зря Жуковский вздрагивал и подправлял: никакого отношения к *Александровской колонне* он не имеет. Но почему глава *непокорная*? Массонство – тип субординационного человеческого единства – это одно. Приказ свыше был оформлен как внутриорденское распоряжение о закрытии и ликвидации лож, но кто может запретить быть мистиком и рыцарем, кто может нарушить прямые орденские связи? *Братская* жизнь продолжалась, а *эзотерика в действии* привела героев Бородинского поля на Сенатскую площадь. И как Пестель с Рылеевым продолжали проектировать лучшее будущее России, так и Пушкин не прервал работы по возведению свода её *духовных высот*. И когда за каре 14 декабря последовали кары, поэт не только не отказался от братьев, подтвердив в личном разговоре с царём своё возможное – в случае нахождения в столице – участие в событиях, но смело слал им в *каторжные норы* слово утешения, обещал помощь и действительно хлопотал о них, *чувства добрые лирой пробуждал, милость к падшим призывал*. Гибель талантливого Рылеева царь действительно очень переживал – вдова и дочь поэта были обласканы и поддержаны “монаршей милостью”. Кюхельбекер имел возможность творить в казематах, – не только творить, но и печататься. По амнистии все признаки остракизма с декабристов были сняты; многие умерли в высоких чинах и почёте. Наградой им за юношеское самоотверженное дерзновение стало освобождение крестьян, которое явилось прямой детонацией 25-го года.⁷ Свет духовной культуры, коей служил Пушкин, распространяется не только в глубины русского менталитета («не зарастёт народная тропа»), но и в дальние области аборигенства. Именно в этой связи упомянуты «тунгус и друг степей калмык». Но кто равен солнцеподобному *Горацию-Гору*, чей оригинал перекладывал на русский Пушкин? – «Гордый внук славян» (простоватый рыцарь Руслан) и, рядом, *финн*, мудрый мистический *финн*, без него – никуда. Но почему век *жестокый*, в

---

⁷ По существу, были реализованы идеи Н. И. Тургенева, проведшего почти всю жизнь в политической эмиграции.

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

чём жестокость-то? Нравы помягчали, перестали сжигать на кострах... Все были хороши по отдельности: царь, Бенкендорф, масоны старшего и младшего поколения, т. е. судьи и ответчики, – а вместе ничего не получалось. *Жестокий*, воистину *жестокий* век. – Даже Николай I, в конце концов, наложил на себя руки. И только Пушкин остался при *свободе*, и то соловьем (т. е. певцом *соло*) с подозрением на разбой.

Каким чудовищным замогильным холодом веет от этого стихотворения! «Да, правильно, – говорим мы, – Александр Сергеевич, – *пробуждал, восславил* – всё правильно»; и забываем, что это писал о себе ещё живой человек. *Белая* голова появилась, и Пушкин подводил под жизнь черту. Он не мог вернуться с *Чёрной* речки живым. Точка была поставлена до написания. И с установкой «и шей горшок, и сам большой» судьбы было не превозмочь. А требовалось именно это.

Высшие Силы пристрастны и взыскательны. Конь на шахматной доске не имеет право устать, ладья – прохудиться. Землю наследует только *человек совершенный*. Поэтому становление на Земле – неизбежно, а недостатки должны быть отняты. Иногда они отнимаются вместе с жизнью. Случай Пушкина из этого числа.

В 1829 году Пушкин попытался вырваться из цепкого кольца обстоятельств, без разрешения властей рванув на Кавказ, чтобы тайно вплавь перебраться в Турцию. И что же? По дороге он встретил другого Александра Сергеевича, который безмолвно, своим видом показал, к чему это может привести. Пушкин понял намёк старшего *брата*. Путешествие в Арзрум закончилось ничем. Хорошо ещё, что Пушкину удалось прикинуться «певцом во стане русских воинов», и взыскание ограничилось выговором. После этого оставалось только сунуть голову в петлю женитьбы, как объяснил Пушкин отговаривавшему его от этого шага К. Брюллову. – «Судьба моя уж решена...»

И тут последовала знаменитая Болдинская осень.

Каков замысел Высших сил! Клин – клином, холерой – холерика. Перо не поспевало за вдохновением. А какие ориентиры! «Повести Белкина» – ориентир Данте. «Маленькие трагедии» – ориентир Шекспир. Сказки в народном духе – ориентир Боян. Мистические аббревиатуры в прозаическом цикле – абсолютно в масонском роде. Кто такая девица К. И. Т.? Не тот ли это *кит*, в

котором Иона? Но почему *Иона*? Вспоминаем кабалистический *темурах* (поиск подлинного слова перестановкой букв в исходном). Прозрачно: Иоан(н). И вдруг вспоминается, что Пушкин идентифицировал себя с Иоанном Богословом, сосланным за проповеди на остров Патмос. Пушкин тоже оказался на островке, чистым от эпидемии, в море холеры. Он рвался к невесте – карантинны не пускали.

Спасибо холере... Мы имеем россыпь шедевров.

Хотя вдохновение Пушкина было оплачено горой трупов.

«Маленькие трагедии» – это не только Шекспир по стилистике и глубине, да ещё и Апокалипсис: *Все говорят: нет правды на земле, Но правды нет – и выше... – Ужасный век, ужасные сердца... – Пир во время чумы... – Проваливаются... – Вот эсхатологическая вязь Пушкинского Откровения. Зато на другой чаше: гений и злодейство – две вещи несовместные... – Задумывается...*

Напророчив своей великой поэмой, Пушкин – совсем как Руслан с финном – столкнулся однажды с великим мудрецом и книжником масоном С. Тучковым – бросив всё, он остался у него на целый день. Эта вторая – невидимая – часть жизни, где Пушкин общался с духовными мастерами, был собран, вдохновен и абсолютно серьёзен; только она даёт ключ к пониманию его существа. Лицо Пушкина, посвящаемого в масоны, близко к лицу Пушкина, прощающегося навсегда, в момент смерти, с книгами, – братский круг был одним и тем же. Такие собеседники Пушкина, как великий русский мыслитель Чаадаев, гений египтологии Гулянов, переводчик Пифагора поэт-философ Филимонов, востоковед и культуролог О. Сенковский, писатель-мистик В. Ф. Одоевский, историк-эзотерик и беллетрист А. Вельтман, историк идеологий и мифолог М. Погодин, фольклорист и собиратель народной эзотерики И. Киреевский, исследователь нордической культуры и русского ведовства В. Даль были духовной средой Пушкина-мистика, снабжавшей его эзотерической информацией, а иногда её от него получавшей. Пушкин был яростным борцом с культурным обскурантизмом – и не только в годы юношеского вольтерьянства, но и в зрелые годы духовного возмужания. Именно в момент высочайшего творческого взлёта была написана «Сказка о попе и работнике

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

его Балде» – убийственный словесный лубок, полностью напечатанный лишь через 100 лет. Голоконный лоб (голова, напоминающая набалдашник пестика, коим толкут толокно) – обалдуй против *Балды*, который *надыбал* для него оброк с чертей. Но почему, собственно, черти должны платить попам оброк? Да потому что это и есть их, попов, подлинная епархия: омут и мрак человеческих страхов, суеверий и невежества. Балда решён в красках шекспировских *fools of Nature*, с богатырским русским размахом. Зато Голоконный лоб – не Фальстаф, и даже не Фарлаф, а воплощение тупого колокольного буханья.

Глупо “стрелять из Пушкина по воробьям”. И поэтому все основные произведения Михайловского гения эпичны. Виной реальной краткости текстов – невероятная уборичность его письма. Отсутствие красотей, а часто и красот – тоже признак “антиэстетической” позиции. Поэт не служил людям, он – как пророк – служил только Истине: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Именно в Пушкине черпает своё вдохновение муза любомудров: Веневитинова, Тютчева, Боратынского. Он элитарен, хотя и не кланов: *«подите прочь, какое дело поэту мирному до вас»* – *«суди, мой друг, не выше сапога»*. Земля стоит на принципе «мал золотник, да дорог». Попсовость “мировых религий” в том-то и сказалась, что они полезли в массовость, почитая количественный показатель весомым доводом в пользу их истинности. Однако количественный комфорт – закон стада. Баранам в стаде безопасней – вот откуда выражение «на миру и смерть красна». Когда Христос заявил: *Я в мир принёс не мир, но меч*, – Он навсегда утвердил на Земле доминацию штучности.

Находясь в Болдинском “сидении” Пушкин затевает суперцикл из девяти сюжетов, образующих своего рода *иконостасное единство*. Венчать эту супердраму должна была пьеса о Христе. Однако после написания четырёх частей композиции, Пушкин не продолжает замысел. Нет, он не остыл, не выдохся. Он просто выложился, высказал всё в «Скупом рыцаре», «Моцарте и Сальери», «Пире во время чумы» и «Дон-Жуане» («Каменном госте»). Этические подзаголовки раскрывают концепцию каждой из частей: Скупость и Расточительность, Зависть и Гений, Отчаяние и Дерзость;

Страсть и Любовь. Проиграно бравурное аллегро первой трагедии и начинается медитативное адажио второй: *«Все говорят: нет правды на земле; но правды нет и выше...»* – Какой замах, какая перпендикулярность к «жизни мышшей беготне»! Вопрос поставлен ребром, а это значит, что открылись сразу две стороны медали. И, конечно, вопрос этот являет пороговый характер: гений и злодейство, добро и зло, усердие и справедливость. Но почему рассуждение не становится пустопорожней риторикой и праздноговорильней? – Потому что разговор действующих лиц имеет орденский характер; он есть столкновение идей, а не людей, хотя персонажи выступают их адекватными носителями, их адвокатами; Моцарт и Сальери рассуждают полномочно, оба – масоны со стажем и развивают исходные постулаты с высоты посвяtitельных ступеней, а не из окопов скандалёзности, как представляется профанам. В споре, как довод, привлекается масон Бомарше, и уже осмысление его фигуры чётко прочерчивает позиции. Моцарт, обеспокоенно:

– *Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?* (Размечтался, ишь! – *Нет правды на земле.*)

– *Не думаю* (высокомерно и надменно); *он слишком был смешон для ремесла такого* (ну конечно: шут, паяц, баба, – а здесь: *ремесло*, – ну куда тут дилетантам с дрожащими ручонками).

– *Он же гений* (широким жестом Вангоговского сеятеля), *как ты* (подписал себе смертный приговор) *да я, (ты, Моцарт, бог!)* ... *а гений и злодейство – две вещи несовместные. – Не правда ль?* (опять о правде – и далась она ему! – всё решает характер и воля).

– *Ты думаешь?* (...Какой контраст *двух думаний*. Но Сальери ошибается, – Моцарт высказывает не своё частное мнение, он вербализирует *правду, которая выше*, о чём не догадывается Сальери – и мгновенно попадает впросак: мышеловка захлопывается). – Бросает яд в бокал Моцарта.

– *Так пей же. – За твоё здоровье, друг* (это *друг* переламывает хребет застрявшему в капкане Сальери), *за искренний союз, связующий Моцарта и Сальери* (это уже пляска на поверженном, правда, предсмертная пляска). – Пьёт. (Если не могут любить, то пытаются хотя бы убить.)

ЧАСТЬ II. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА

– *Но ужель он прав, и я не гений? Гений и злодейство – две вещи несовместные*” – *Неправда*: (Это в двенадцатый раз⁸.) *А Бонаротти?* (И вдруг догадка) ...или это сказка тупой бессмысленной толпы... – а ведь он только что хлопотал о ней: *Что пользы в нём? Как некий херувим, Он несколько занёс нам песен райских, Чтоб, возмутив бескрылое желанье в нас, чадах праха, после улететь! Так улетай же! чем скорей, тем лучше.*

Но чада праха оказываются тупыми и бессмысленными, а их радетель, глашатай пользы получает от Моцарта достойный ответ: – *Нас мало избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов. Не правда ль?* (Десятый раз. *Колесо Фортуны* – аркан этих самых избранных). Сальери помалкивает, ибо уже всё сказал до того; но когда Моцарт уходит, его прорывает: – *Неправда!* – но напрасно; страшная догадка встаёт пред ним в полный рост неопровержимой Моцартовской правотой, появляющейся голографически с дьявольской усмешкой 15-го аркана.

Два слова являются ключами эзотерической концепции Пушкина. После сцены со *слепым скрипачом*, когда проступает подлинный камертон Пушкинской настройки – Данте, Моцарт, рефлектируя на происшествие, говорит: «Ты, Сальери, *не в духе* нынче». Когда *нынче?* – В этой жизни, здесь на земле. А Моцарт в духе. – В Духе Святом. В этом вся разница (дьявольская разница). Сальери – тому постоянно *до Моцарта* («Когда же мне не до тебя»), а поэтому он постоянно не в духе. А должен бы быть в духе, ибо – масон, т.е. *духовный* мастер. Значит, звание получил, а масоном не стал. Почему? И здесь у Пушкина есть второй ключ к герменевтическому прочтению текста. Он лежит на виду в самом начале текста: *надменно* («упрямо и надменно от них отрётся я»). Сальери поставил себя *над* человеческим энергоинформационным обменом, ведь для такого обмена люди и приходят на Землю, а тем самым и вне божественного предназначения (гневно: *Где ж правота?!*). А Моцарт весь в этом обмене – он отдаёт себя людям без остатка. – В нём и правота. Она – рядом. Ситуация Пилатова: Что

---

⁸ Трижды это слово появляется в скрытом виде: в строках «Мне принесёт незапные дары» и «Теперь пора! заветный дар любви...» – орфоэпически и «Признаться (= По правде) мой Requiem меня тревожит» – семантически.

есть истина? – а Истина стоит рядом. Из чего особенно ярко видно, что Моцарт – это Христос, Агнец Божий, Любящий Бога (Амадеус). Но Пушкин поставил под “секущую руку” Сальери и самого себя: *фигляр презренный, пародией бесчещащий Алигьери* – это он. Ибо «Повести Белкина» и два опуса в терцинах и есть такая пародия. Н. И. Надеждин это в нём точно подметил.

Звуковой портрет Сальери – слово *труд* с удавкой *У* в середине; он упорен, как рудокоп; в конце концов, он убийца. Звуковым портретом Моцарта является полногласие *А*: *работа, радость*, – в зеркале мира она отражается словом *дар*, чему так яростно завидует Сальери. Арбитром в споре становится Бомарше. Оба сотрудничали с ним: Моцарт написал «Свадьбу Фигаро», а Сальери: «ты для него “Тарара” сочинил, вещь славную. Там есть один мотив... Я всё твержу его, когда я счастлив... Ла ла ла ла». Это двойное солнечное Ра названия оперы и затем россыпь рубинов-лалов напева добивают Сальери с его спёртым воздухом обиды на небеса. Но звучит паролем слово ГЕНИЙ, и в этот момент Сальери ещё мог остановиться, «бросить всё, что прежде знал», одуматься, ибо он, в сущности, собирается убить самого себя: «он же *гений*, как ты да я», – и момент удобный для покаяния... «Ты думаешь?» (по поводу знаменитой формулы) – да, ты гений, понятно; но я, тоже гений (как ты сказал), думаю иначе. – Бросает яд в бокал Моцарта. Сам сказал о Моцарте нечто большее: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь. Я знаю, я». А что говорит бог, есть правда в последней инстанции. «Но ужель он прав?» – Дошло – да поздно. Приговор произнесён. – Не над Моцартом. Над Сальери. «Да, Сальери, *ты не гений*. – Более того: ты жалкий и пошлый убийца. Грязный ты человек». – Это хохочет, последним, Бомарше. Ибо по-французски *саль* – грязный.⁹

---

⁹ Подробнее об этом произведении в статье «Принцип гения» данной книги.